

О РОМЭНЕ РОЛЛАНЕ

Не было — и не может быть — таких эпох, когда не разрушалось бы нечто «вечное»; когда воля разума не стремилась бы разбить верования и суеверия, созданные силою его же — разума, его стремлением найти «последнюю истину», несокрушимую уже и для его силы. В сущности это — стремление разума к самоограничению, и поэтому я уверен, что оно никогда не достигнет цели своей.

Не было, мне кажется, эпохи, когда люди Европы жили бы в столь трагическом состоянии безверия, бессилия, самоотрицания, как они живут теперь, ослепленные и развращенные ужасами проклятой бойни 1914—1918 годов и в ожидании ужасов повсеместной гражданской классовой войны.

Больше, чем когда-либо, разродилось людей, философия которых уместается в словах: «После нас — хоть потоп». Никогда еще умственный и чувственный разврат не принимал таких отвратительных форм, как в наши дни. Никогда люди не отдавались так безвольно, так механически протитутующим влияниям изжитой, загнившей действительности.

Можно ли в прошлом найти годы, когда бы люди так углубленно, с таким напряжением воли и ума трудились над изысканием средств взаимного истребления. И не было эпохи, столь нищенски бедной попытками создать идеологию «гуманизма», милосердия, — бесплодность и лицемерие этих попыток стали слишком очевидны. И если некоторые по привычке все-таки кричат о гуманности, — это кричат для того, чтобы, возбудив жалость к одним, возбудить ненависть к другим.

О гибели, о «закате Европы» говорят и пишут с великим увлечением, остроумно и даже «со вкусом», но уже не слышно голосов, которые громко и внятно говорили бы о необходимости возрождения Европы.

Грозные дни. Всюду слышишь глухой шум разрушения и крики злой печали. Есть печаль, которая очень «веселит сердце

человека». Конечно, буржуа веселится, крики этого веселья напоминают отчаянно-веселую песню, созданную после 1906 г. в тюрьмах России людьми, приговоренными к смерти:

„Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья“.

Патетически громкие гимны начала XIX века; гимны, которые буржуазия пела самой себе, давно заменились эстетикой лирических панихид.

Все более оскорбляемые демонстративным бесстыдством роскоши командующего класса, рабочие люди организуются в общеевропейскую армию для того, чтобы железной метлой вымести вон из жизни изжитое, изгнившее и гниющее. Я искренне приветствую эту работу, хотя и помню, что не человек для революции, а революция для человека. И, разумеется, мне противна бессмысленность стихийно раздраженных темных сил и мучительно дорога жизнь и работа людей, неустанно творящих культурные ценности в наши мрачные дни.

Один — и не единственный ли на Западе? — один из таких неутомимо упрямых людей — Ромэн Роллан. Я имею высокую честь считать его своим другом, и поэтому мне очень трудно говорить о нем. Ибо я не принадлежу к числу тех людей, которые находят необходимым говорить о друзьях своих, подчеркивая идеологические или иные «недостатки» друзей. И когда я читаю воспоминания или мнения таких людей о друзьях, я всегда почти вижу не написанный автором эпиграф к этим воспоминаниям: «Я — не хуже его» или: «Я лучше его». По поводу таких друзей я думаю, что проклятие Адаму опубликовано в библии не все; мне кажется, что после слов: «В поте лица твоего будешь ты есть хлеб свой» прибавлено: «И друга дам в осуждение и наказание тебе».

Не критик, я не стану говорить о Ромэне Роллане — поэте, авторе цикла «Трагедии веры», эпопеи «Жан-Кристоф» и превосходной, чисто галльской поэмы «Кола Бреньон». Это, может быть, самая изумительная книга наших дней. Нужно иметь сердце, способное творить чудеса, чтобы создать во Франции, после трагедий, пережитых ею, столь бодрую книгу, книгу непоколебимой и мужественной веры в своего, родного человека. Я преклоняюсь перед Ромэном Ролланом именно за эту его веру, которая звучит во всех его книгах, во всем, что он делает. Для меня Р. Роллан уже давно Лев Толстой Франции, но Толстой без ненависти к разуму, без этой страшной ненависти, которая была для русского рационалиста источником его великих

страданий и так жестоко мешала ему остаться гениальным художником.

Говорят: Р. Роллан — Дон Кихот. С моей точки зрения, это лучшее, что можно сказать о человеке. В безжалостной игре непримиримо враждебных сил истории человек, который жаждет идеальной справедливости, — тоже сила, потому что неустанно напоминает о том, как необходима справедливость прежде всего для трудящихся, ибо только они могут установить ее для всего мира.

Владимир Ленин доказал, что философия истории Льва Толстого очень далека от истины и что личность в процессе истории имеет свое законное место, свое честное дело. Р. Роллан упрям и смел, как человек поистине честный и свободный. Нужно обладать крепкой верой в свою правду, чтобы в те дни, когда тысячи отживших людей, обрадованных смертью Ленина, злобно ликовали, сказать им спокойно и кратко: «Ленин — самый великий человек дела нашего века и самый бескорыстный».

Р. Роллан — первый из литераторов Европы — поднял свой голос против войны. Его за это многие возненавидели. Он должен был уехать из Франции. Когда все культурные люди праздновали 60-летие его жизни, Роллан получил поздравления из Китая, Японии, Индии, Северной и Южной Америки, — отовсюду. Меньше всего первейший, самый крупный из современных литераторов Франции и любимый всем грамотным миром Ромэн Роллан получил поздравлений от французов.

В «Очарованной душе» — он сердцем художника предчувствует рождение другой, доброй правды, давно необходимой миру. Он предвидит рождение новой женщины на смену той, которая помогает разрушать этот мир, — женщины, которая, поняв свою роль возбудителя культуры, хочет войти в мир властно и полноправно, как законнейшая хозяйка его и мать мужчин, ею созданных и ответственных перед нею за свои дела.

Меня удивляет стойкость любви Ромэна Роллана к миру и человеку. Я не считаю его оптимистом: он — идеальный стоик. Он, видимо, очень глубоко прочувствовал истину, скрытую в одной из русских пословиц: «Все минется, только правда останется». Мужественно, не закрывая глаза на те неисчислимые страдания, которые, терзая людей, проходят, чтобы оставить нам чистую и прекрасную правду, Р. Роллан уверенно делает свое дело поэта и мыслителя.

Я никогда не видел его, но думаю, что глаза Роллана спокойны и печальны, а голос тих, но тверд.

И я счастлив знать, что в мире есть такой прекрасный человек и такой сердечный художник, как Р. Роллан.

Он гуманист и пацифист, но в подлинном и глубочайшем смысле этих понятий, — именно в том смысле, какой придает этим понятиям большевизм. Иначе Ромэн Роллан не мог бы назвать Владимира Ленина «самым великим человеком дела нашего века», потому что Ленин объявил беспощадную войну рабочих против хозяев и против паразитов, покорно преданных хозяевам и предающих рабочий класс.

Ромэн Роллан не может не знать, что «дело нашего века» — беспощадное дело, но очевидно, что он хорошо понимает историческую необходимость этого дела и величие его. Он — «писатель-друг» людей, которые делают это дело, и нашим литераторам есть чему поучиться у него. А читатель наш поучится у него тому человеколюбию и уважению к человеку за великий труд его, — эти качества, к несчастью, очень слабо развиты в среде рабочего класса и в среде большевиков, — людей, которые взяли на себя решение задачи колоссально трудной — внести в мир и укрепить в нем подлинный гуманизм.

Ромэну Роллану может быть сделан упрек в том, что он недостаточно определенно формулирует свои симпатии классу, который в Союзе Советов взял в свои руки руль власти и правит жизнью страны. Но Роллан живет не в Союзе Советов, и его сознание организуется условиями иного, не нашего бытия. Рабочий класс Запада все еще не та сила, которая стремится к своей цели по прямой линии.

Затем, надо помнить условия, в которых воспитывались радикалы его поколения, люди по преимуществу «лирического строя души». Нелепо упрекать блондина за то, что он не брюнет. У нас эти упреки нередко ведут к тому, что блондины перекрашиваются в рыжих, а иногда в таких брюнетов, что напоминают людей «черной сотни».

И надобно помнить, что у К. Маркса во введении к его «Критике политэкономии» говорится:

«Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соответствии с развитием общества, а следовательно также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации».

Иными словами эту мысль Маркса можно перевести так: искусство не всегда предшествует делу жизни — трагической игре истории, чаще оно не поспевает за нею, опаздывает. Это опоздание особенно заметно в наши дни, у нас. Но это ни-

когда не умаляло и не умаляет исторического, воспитательного значения искусства. Мы жили вчера, и для того, чтоб точно знать сегодня, каким должен быть наш завтрашний день, нам необходимо оглядываться назад в наше и чужое дело вчерашнего дня.

Издание книг Ромэна Роллана у нас в Союзе Советов радостно приветствую.

Л. Гартман